ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

соответствует ФГОС

Оскар Уайльд

КЕНТЕРВИЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

И ДРУГИЕ СКАЗКИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Внеклассное чтение (СИМБАТ)

Оскар Уайльд

«Кентервильское привидение» и другие сказки

«УМка»

1887, 1888, 1891

УДК 821.111-3182/821-93
ББК 83.8

Уайльд О.

«Кентервильское привидение» и другие сказки / О. Уайльд — «УМка», 1887, 1888, 1891 — (Внеклассное чтение (СИМБАТ))

ISBN 978-5-17-159860-0

В этой книге собраны знаменитые произведения английского писателя Оскара Уайльда. В удивительном рассказе «Кентервильское привидение» юный читатель познакомится с призраком, который обречён вечно жить в замке, а в поучительных сказках «Счастливый принц» и «Звёздный мальчик» каждый найдёт уроки любви, доброты и милосердия.

УДК 821.111-3182/821-93
ББК 83.8

ISBN 978-5-17-159860-0

© Уайльд О., 1887, 1888, 1891
© УМка, 1887, 1888, 1891

Содержание

Кентервильское привидение 7
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Оскар Уайльд
Кентервильское привидение и другие сказки

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Внеклассное чтение

© Д. Д. Чуковский, 2022
© ООО «СИМБАТ», 2022
© Shutterstock, Inc., 2022

Кентервильское привидение
Материально-идеалистическая история

Текст в переводе *М. Ф. Ликиардопуло*

I

Мистер Хирам Б. Отис, американский посол, покупал Кентервильский замок. Все уверяли его, что он делает большую глупость, так как не было никакого сомнения, что в замке водятся духи.

Даже сам лорд Кентервиль, человек честный до щепетильности, счёл своим долгом предупредить об этом мистера Отиса, когда они стали сговариваться об условиях продажи.

– Мы предпочитали не жить в этом замке, – сказал лорд Кентервиль, – с тех пор, как моя двоюродная бабка, вдовствующая герцогиня Болтон, была напугана до нервного припадка двумя руками скелета, опустившимися к ней на плечи, когда она переодевалась к обеду. Она так и не излечилась впоследствии. И я считаю себя обязанным уведомить вас, мистер Отис, что привидение это являлось многим ныне здравствующим членам моего семейства. Его видел и наш приходской пастор, преподобный Огастес Дампир, кандидат Королевского колледжа в Кембридже. После злополучного приключения с герцогиней никто из младшей прислуги не захотел оставаться у нас, а леди Кентервиль часто не удавалось уснуть по ночам из-за таинственных шорохов, доносившихся из коридора и библиотеки.

– Милорд, – ответил посол, – я куплю у вас и мебель, и привидение. Я родом из передовой страны; там у нас имеется всё, что можно купить за деньги, а при нашей шустрой молодёжи,

которая ставит ваш Старый Свет вверх ногами и увозит от вас ваших лучших актрис и примадонн, я уверен, что, если бы в Европе действительно существовало хоть одно привидение, оно давным-давно было бы у нас в одном из наших публичных музеев, или его возили бы по городам на гастроли в качестве диковинки.

– Боюсь, что это привидение существует, – сказал, улыбаясь, лорд Кентервиль, – хотя оно, быть может, и отклонило заманчивые предложения ваших предприимчивых импресарио. Оно хорошо всем известно вот уже триста лет, – точнее сказать, с 1574 года, и оно всегда появляется незадолго до смерти кого-нибудь из нашей семьи.

– Ну, ведь и домашний врач тоже появляется незадолго до смерти, лорд Кентервиль. Но, сэр, таких вещей, как привидения, не существует, и смею думать, что законы природы не могут быть изменяемы даже для английской аристократии.

– Да, вы очень просто смотрите на вещи в Америке, – отозвался лорд Кентервиль, не совсем понявший последнее замечание мистера Отиса, – и если вы ничего не имеете против привидения, то всё улажено. Но только не забудьте, – я вас предупреждал.

Через несколько недель была подписана купчая, и к концу сезона посол и его семья переехали в Кен-тервильский замок. Миссис Отис, ещё будучи мисс Лукрецией Р. Тэппен, с 53-й Западной улицы, была известной нью-йоркской красавицей, теперь же это просто была красивая дама средних лет, с чудесными глазами и великолепным профилем. Многие американки, покидая свою родину, принимают хронически болезненный вид, думая, что это признак высшей европейской утончённости, но миссис Отис не совершила этой ошибки. У неё было великолепное телосложение, и она обладала просто сказочным избытком жизненных сил. Даже во многих отношениях она была прямо англичанкой и являлась прекрасным подтверждением того, что у нас теперь почти всё с Америкой общее, кроме, конечно, языка. Старший сын её, которого родители, под влиянием минутной вспышки патриотизма, окрестили Вашингтоном, о чём он никогда не переставал сожалеть, – был довольно красивый юный блондин, проявивший все данные будущего американского дипломата, так как в течение трёх сезонов подряд дирижировал немецкой кадрилью в ньюпортском казино и даже в Лондоне прослыл прекрасным танцором. Его единственными слабостями были гардении и гербовник. Во всём остальном это был человек чрезвычайно здравомыслящий. Мисс Виргиния Е. Отис была девочка пятнадцати лет, стройная и грациозная, как лань, с большими, ясными, голубыми глазами. Она была прекрасной наездницей и как-то раз заставила старого лорда Билтона проскакать с нею дважды вокруг Гайд-парка и на полтора корпуса обогнала его на своём пони у самой статуи Ахиллеса; этим она привела в такой восторг молодого герцога Чеширского, что он тут же сделал ей предложение и в тот же вечер, весь в слезах, был отправлен своими опекунами обратно в Итонскую школу. После Виргинии шли близнецы, которых обыкновенно дразнили «Звёздами и Полосами», так как их часто пороли. Они были прелестные мальчики и, за исключением почтенного посла, единственные республиканцы во всём доме.

Так как Кентервильский замок отстоит на семь миль от Аскота, ближайшей железнодорожной станции, то мистер Отис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали навстречу экипаж, и все отправились в путь в отличном расположении духа.

Был прекрасный июльский вечер, и воздух был пропитан тёплым ароматом соснового леса. Изредка слышалось нежное воркование лесной горлицы, наслаждающейся собственным голосом, или показывалась в гуще шелестящих папоротников пёстрая грудь фазана. Крошечные белки посматривали на них с буков, а кролики стремительно улепётывали через низкую поросль и по мшистым кочкам, задрав кверху белые хвостики. Когда они въехали в аллею, ведущую к Кентервильскому замку, небо вдруг покрылось тучами, какая-то странная тишина как бы сковала весь воздух, молча пролетела огромная стая галок, и они ещё не успели подъехать к дому, как стал накрапывать дождь большими редкими каплями.

На ступенях крыльца их поджидала старушка, в аккуратном чёрном шёлковом платье, белом чепчике и переднике. Это была миссис Эмни, экономка, которую миссис Отис, по убедительной просьбе леди Кентервиль, оставила у себя на службе в прежней должности. Она перед каждым членом семьи по очереди низко присела и торжественно, по-старомодному, промолвила:

– Добро пожаловать в Кентервиль-ский замок!

Они вошли вслед за нею в дом и, пройдя великолепный холл в стиле Тюдоров, очутились в библиотеке, длинной и низкой комнате. Её стены были обшиты чёрным дубом, а в противоположном конце находилось большое окно из разноцветных стёкол. Здесь для них был сервирован чай. Сняв пальто, они уселись за стол и стали разглядывать комнату, а миссис Эмни прислуживала им.

Вдруг миссис Отис заметила тёмное красное пятно на полу, у самого камина, и, не зная его происхождения, указала на него миссис Эмни:

– Кажется, здесь что-то пролито.

– Да, сударыня, – ответила старая экономка шёпотом, – на этом месте была пролита человеческая кровь.

– Какой ужас! – воскликнула миссис Отис. – Кровавые пятна в гостиной, на мой взгляд, совершенно неуместны. Это надо немедленно смыть.

Старуха улыбнулась и ответила тем же таинственным шепотом:

– Это кровь леди Элеоноры Кентервиль, которая была убита на этом самом месте в 1575 году своим собственным мужем, лордом Симоном де Кентервилем. Сэр Симон пережил её на девять лет и потом неожиданно исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Его тело так и не было найдено, но грешный дух его до сих пор ещё бродит по замку. Пятно это приводило в восхищение туристов, и уничтожить его невозможно.

– Это всё глупости! – воскликнул Вашингтон Отис. – «Всемирный Выводитель Пятен Пинкертона и Образцовый Очиститель» уничтожит его в одно мгновение.

И не успела помешать ему испуганная экономка, как он опустился на колени и стал быстро тереть пол маленькой палочкой какого-то вещества, похожего на чёрный фиксатуар. Через несколько минут от кровавого пятна не осталось ни следа.

– Я знал, что «Пинкертон» тут поможет! – воскликнул он, торжествуя, и оглянулся на жену и детей, которые с одобрением смотрели на него; но он не договорил, так как яркая вспышка молнии озарила полутёмную комнату и оглушительный удар грома поднял всех на ноги, а миссис Эмни упала в обморок.

– Какой чудовищный климат, – заметил спокойно американский посол, закуривая длинную манильскую сигару. – Очевидно, в этой древней стране населения настолько много, что на всех не хватает приличной погоды. Я всегда держался того мнения, что эмиграция – единственное спасение для Англии.

– Дорогой Хирам, – сказала миссис Отис, – что нам делать с женщиной, которая падает в обморок?

– Вычти из её жалованья, как за битьё посуды, – ответил посол, – после этого она не станет больше падать.

И действительно, через несколько минут миссис Эмни пришла в себя. Но, несомненно, она была очень взволнована и торжественно предупредила миссис Отис, что её дому неминуемо угрожает беда.

– Сэр, – сказала она, – я видела собственными глазами такие вещи, от которых у всякого доброго христианина волосы встали бы дыбом, и много ночей не смыкала я глаз от ужасов, творящихся здесь.

Но мистер Отис и его жена настойчиво убеждали почтенную женщину, что они не боятся привидений, и, призвав благословение Божие на своих новых хозяев и намекнув на прибавку жалованья, старая экономка удалилась нетвёрдыми шагами в свою комнату.

II

Буря дико бушевала всю ночь, но ничего особенного не случилось. Однако на следующее утро, когда семья сошла к завтраку, она снова нашла ужасное кровавое пятно на полу.

– Не думаю, чтобы тут виноват был мой «Образцовый Очиститель», – сказал Вашингтон, – так как я его испробовал на очень многих вещах. Должно быть, это дело привидения.

И он снова стёр пятно, и снова к следующему утру оно появилось. И на третье утро оно было там, несмотря на то, что накануне вечером мистер Отис сам запер библиотеку и унёс с собою ключ наверх. Вся семья сильно заинтересовалась этим; мистер Отис стал подумывать, не был ли он слишком догматичен, когда отрицал существование привидений; миссис Отис высказала решение вступить в члены Общества исследований спиритических явлений, а Вашингтон приготовил длинное письмо к господам Майерсу и Подмору на тему о «Прочности кровавых пятен, связанных с преступлением». Но в ту же ночь были рассеяны навсегда всякие сомнения относительно существования призраков.

День был жаркий и солнечный, и, когда наступила вечерняя прохлада, вся семья поехала кататься. Они вернулись домой только к девяти часам и сели за лёгкий ужин. Разговор вовсе не касался духов, поэтому не было даже тех элементарных уело-вий повышенной восприимчивости, которая так часто предшествует всяким спиритическим явлениям. Темы, которые обсуждались, как мне потом удалось узнать от мистера Отиса, были обычные темы просвещённых американцев высшего класса, например: бесконечное превосходство мисс Фанни Давенпорт как актрисы над Сарой Бернар; трудность получения даже в лучших английских домах зелёной кукурузы, гречневых пирожков и маисовой каши; значение Бостона для развития мировой души; преимущества билетной системы для провоза багажа по железной дороге; приятная мягкость нью-йоркского акцента в сравнении с тягучестью лондонского произношения. Никто не упомянул ни о чём сверхъестественном, и о сэре Симоне де Кентервиле вовсе не было речи. В одиннадцать часов семья удалилась на покой, и полчаса спустя во всём доме были погашены огни. Через короткое время мистер Отис проснулся от страшного шума в коридоре, куда выходила его комната. Ему послышался как будто звон металла, приближающийся с каждой минутой.

Он тотчас же встал, зажёг спичку и посмотрел на часы. Было ровно час. Мистер Отис был совершенно спокоен и пощупал свой пульс, который бился ровно, как всегда. Страшный шум продолжался, и одновременно мистер Отис ясно стал различать звук шагов. Он надел туфли, достал из несессера маленький узкий флакон и открыл дверь. Прямо перед собой, при слабом свете луны, он увидел какого-то старика ужасной внешности. Глаза его были подобны красным горящим угольям; длинные седые волосы ниспадали на его плечи спутанными прядями; его платье, старинного покроя, было всё в лохмотьях и грязно, а с кистей его рук и со щиколоток ног свисали тяжёлые ручные кандалы и ржавые цепи.

– Сэр, – сказал мистер Отис, – я решительно должен настоять на том, чтобы вы смазали себе цепи; для этой цели я принёс вам маленький флакон «Смазки Восходящего Солнца» фирмы Таммани. Уверяют, что она даёт желаемые результаты после первого же смазывания, и на обёртке вы можете найти несколько блестящих отзывов, с подписями наиболее видных пасторов моей родины. Я оставлю вам бутылочку здесь около подсвечников и буду рад снабжать вас этим средством по мере надобности.

С этими словами посол Соединённых Штатов поставил пузырёк на мраморный столик и, закрыв дверь, удалился.

Минуту кентервильское привидение стояло совершенно неподвижно, охваченное вполне естественным гневом; затем, озлобленно хватив бутылкой со всего размаху о паркет, оно понеслось по коридору, издавая глухие стоны и испуская зловещее зелёное сияние. Но едва оно достигло верхней площадки большой дубовой лестницы, как раскрылась какая-то дверь, показались две маленькие фигурки в белом, и огромная подушка просвистела у него над головой. Очевидно, нельзя было терять время, и, быстро пустивши в ход четвёртое измерение, как средство к побегу, оно нырнуло в деревянную обшивку стены, и в доме всё стихло.

Добравшись до маленькой потайной каморки в левом крыле замка, дух, чтобы передохнуть, прислонился к лунному лучу и начал разбираться в своём положении. Никогда за всю его славную, незапятнанную трёхсотлетнюю карьеру никто его так жестоко не оскорблял. Он вспомнил о вдовствующей герцогине, которую напугал до припадка, когда она стояла перед зеркалом вся в кружевах и бриллиантах; о четырёх горничных, с которыми случилась истерика, когда он просто улыбнулся им из-за портьеры какой-то нежилой спальни; о приходском пасторе, у которого он потушил свечу, когда тот вечером выходил из библиотеки, и который с тех пор находился на излечении у сэра Уильяма Галла, страдая нервным расстройством; о старой мадам де Тремуйляк, которая, проснувшись однажды рано утром и увидав скелет, сидящий в кресле у камина и читающий её дневник, слегла на целых шесть недель от воспаления мозга, примирилась с церковью и раз и навсегда порвала всякие сношения с известным скептиком monsieur де Вольтером. Он вспомнил ужасную ночь, когда нашли жестокого лорда Кентервиля у себя в спальне, и тот задыхался, так как в горле у него застряла карта с бубновым валетом. Старик сознался перед смертью, что, играя у Крокфорда с Чарлзом-Джеймсом Фоксом, обыграл его на 50 000 фунтов стерлингов с помощью этой же карты, и вот теперь эту карту ему сунуло в глотку кентервильское привидение. Он вспомнил все свои великие подвиги, начиная с дворецкого, который застрелился в буфетной, увидев зелёную руку, стучащую к нему в окно, и кончая прекрасной леди Стетфилд, которая принуждена была носить вокруг шеи чёрную бархатку, дабы скрыть следы пяти пальцев, оставшихся на её белоснежной коже. Она потом утопилась в сазанном пруду, в конце Королевской аллеи. С восторженным самодовольством настоящего художника стал он перебирать в памяти свои наиболее знаменитые выступления и горько улыбался, вспоминая своё последнее появление в качестве Красного Рубена, или Задушенного Младенца, свой дебют в роли Сухощавого Джибона, или Кровопийцы с Бекслейской Топи, и фурор, который произвёл как-то ясным июньским вечером, играя в кегли своими костями на площадке для лаун-тенниса.

И после всего этого являются какие-то несчастные современные американцы, предлагают ему «Смазку Восходящего Солнца» и швыряют в него подушками. Это было просто невыносимо. Кроме того, до сих пор в истории не бывало примера, чтобы так обращались с привидениями. И он решил отомстить и до рассвета оставался в глубоком раздумье.

III

На следующее утро, когда семья Отисов встретилась за завтраком, стали подробно и много говорить о привидении. Посол Соединённых Штатов был немного обижен тем, что подарок его не был принят.

– Я не желаю наносить этому духу оскорбление, – сказал он, – и должен заметить, что, принимая во внимание долголетнее его пребывание в этом доме, не совсем вежливо швырять в него подушками. (Это вполне справедливое замечание было встречено, к сожалению, взрывами смеха со стороны близнецов.) Но с другой стороны, – продолжал посол, – если дух действительно отказывается пользоваться «Смазкой Восходящего Солнца», мы принуждены будем отобрать у него цепи. Совершенно невозможно спать, когда около спальни такой шум.

Однако остаток недели прошёл тихо, и ничто не обеспокоило их; единственное, что возбуждало внимание, – это постоянное возобновление кровавого пятна на полу библиотеки. Это было действительно странно, так как дверь всегда запирал на ночь сам мистер Отис, а окна закрывались ставнями с крепкими задвижками. Вызывала много толков и хамелеоноподобная окраска этого пятна. Иногда оно по утрам было густого (почти индийского) красного цвета, иногда киноварного, потом пурпурного, а однажды, когда семья сошла вниз к общесемейной молитве, – согласно упрощённому ритуалу свободной американской реформированной епископальной церкви, – пятно было яркого изумрудно-зелёного цвета. Эти калейдоскопические перемены, естественно, очень забавляли всех членов семейства, и каждый вечер составлялись пари в ожидании следующего утра. Единственное лицо, которое не разделяло общего легкомысленного настроения, была маленькая Виргиния; она, по какой-то необъяснимой причине, всегда бывала крайне опечалена при виде кровавого пятна и чуть-чуть не расплакалась в то утро, когда оно было ярко-зелёное.

Второе появление духа состоялось в воскресенье ночью. Вскоре после того, как семья легла спать, все были внезапно испуганы невероятным треском в холле. Бросившись вниз, увидели большие рыцарские доспехи, сорвавшиеся с пьедестала и упавшие на пол, а на кресле с высокой спинкой сидело кентервильское привидение и тёрло коленки с выражением острой боли. Близнецы, захватившие с собой резиновые рогатки, с меткостью, которая достигается только долгим и упорным упражнением на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в него два заряда, а посол Соединённых Штатов направил на него револьвер и, согласно калифорнийскому этикету, попросил его поднять руки вверх! Дух вскочил с диким криком бешенства и пронёсся как туман через них, потушив при этом у Вашингтона свечу и оставив всех в абсолютной темноте. Добравшись до верхней площадки лестницы, он пришёл в себя и решил разразиться своим знаменитым дьявольским хохотом. Не раз этот хохот оказывал ему услуги. Говорят, что от него в одну ночь поседел парик у лорда Райкера, и, бесспорно, этот хохот был причиной того, что три французские гувернантки леди Кентервиль отказались от места, не дослужив и месяца. И он захохотал своим самым ужасным хохотом, так что зазвенел старый сводчатый потолок; но едва замолкло страшное эхо, как раскрылась дверь и вышла миссис Отис в бледно-голубом капоте.

– Мне кажется, вы не совсем здоровы, – сказала она, – и поэтому я вам принесла бутылку микстуры доктора Добеля. Если вы страдаете несварением желудка, то это средство вам очень поможет.

Дух бросил на неё яростный взгляд и начал тотчас делать приготовления, чтобы обернуться в чёрную собаку, – талант, который ему заслужил справедливую славу и которому домашний врач всегда приписывал неизлечимое слабоумие дяди лорда Кентервиля, мистера Томаса Хортона. Но звуки приближающихся шагов заставили его отказаться от этого намерения, и он удовольствовался тем, что стал слабо фосфоресцировать и исчез с глубоким кладбищенским вздохом как раз в ту минуту, когда его почти настигли близнецы.

Добравшись до своей комнаты, он окончательно расстроился и сделался жертвой самого сильного волнения. Вульгарность близнецов и грубый материализм миссис Отис были крайне ему неприятны, но что его больше всего огорчило – это то, что так и не удалось облечься в эти доспехи. Он надеялся, что даже современные американцы будут смущены зрелищем «Привидения в доспехах» если не по какой-либо разумной причине, то, по меньшей мере, из уважения к их национальному поэту Лонгфелло, над томами изящной и привлекательной поэзии которого он провёл не один долгий час, когда Кентервили переезжали в город. Кроме того, это было его собственное облачение. Он носил его с большим успехом на турнире в Кенильворте и удостоился выслушать по поводу его много лестного от самой королевы-девственницы. Но когда он теперь надел доспехи, он окончательно свалился под тяжестью огромного нагрудника

и стального шлема и в изнеможении упал на каменный пол, сильно ушибив оба колена и разодрав кожу на пальцах правой руки.

В течение нескольких дней он серьёзно хворал и почти не выходил из своей комнаты, кроме как ночью, для поддержания в надлежащем виде кровавого пятна. Но благодаря тщательному уходу за собой он поправился и решился в третий раз попытаться испугать посла Соединённых Штатов и его семью. Для этого он выбрал пятницу 17 августа и провёл почти весь день, перебирая свой гардероб, остановив наконец свой выбор на большой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками у ворота и на рукавах, и на заржавленном кинжале. К вечеру разразился сильный ливень, и ветер так бушевал, что все окна и двери в старом доме вздрагивали и дребезжали. Впрочем, такую именно погоду он очень любил. План был намечен такой: первым делом он проберётся тихонько в комнату Вашингтона Отиса, станет у него в ногах и наговорит ему всякого вздору, а потом пронзит себе горло кинжалом под звуки тихой музыки. Особую неприязнь он чувствовал к Вашингтону, так как прекрасно знал, что это именно он имел привычку стирать знаменитое Кентервильское пятно с помощью «Образцового Пинкертоновского Очистителя». Доведя легкомысленного и дерзкого юношу до состояния несказанного ужаса, он должен был пройти в спальню посла Соединённых Штатов и его супруги и там положить покрытую холодным потом руку на голову миссис Отис, нашёптывая при этом её дрожащему мужу на ухо ужасные тайны склепа. Что касается маленькой Виргинии, то он и сам ещё не решил, что именно он предпримет. Она никогда его не оскорбляла, а была так мила и нежна. Нескольких глухих стонов из шкапа будет более чем достаточно, а если это не разбудит её, он может подёргать дрожащими пальцами её одеяло. Близнецам же он решил преподать урок. Первое, что надо сделать, это, конечно, сесть им на грудь, чтобы вызвать отвратительные ощущения кошмара. Потом, ввиду того что кровати близнецов стоят близко друг к другу, он встанет между ними в образе зелёного заледенелого трупа, пока они не застынут от ужаса, и тогда он сбросит свой саван и, обнажив свои кости, будет шагать по комнате, вращая одним глазом, в роли Немого Даниила, или Скелета Самоубийцы, которая не раз производила большой эффект и которую он по силе считал равной своему исполнению Сумасшедшего Мартина, или Сокрытой Тайны.

В половине одиннадцатого он слышал, как вся семья отправилась спать. Долго ему мешали дикие взрывы хохота близнецов, которые с легкомысленной беспечностью школьников, очевидно, резвились перед тем, как улечься на покой; в четверть двенадцатого всё стихло, и, как только пробило полночь, он пустился в путь. Совы бились о стёкла окон, ворон каркал со старого тисового дерева, и ветер блуждал, словно неприкаянная душа, вокруг старого дома. Но семья Отисов спокойно спала и не подозревала о предстоящем несчастье, и громче дождя и бури раздавался храп посла Соединённых Штатов. Дух осторожно выступил из обшивки со злобной улыбкой вокруг жестокого, сморщенного рта; луна спрятала своё лицо за тучей, когда он пробирался мимо круглого окна, на котором золотом и лазурью были выведены его герб и герб убитой им жены. Всё дальше скользил он, словно зловещая тень; казалось, и сама тьма встречала его с отвращением.

Однажды ему показалось, что кто-то окликнул его, и он остановился, но это был только лай собаки, доносившийся с Красной фермы. И он продолжал свой путь, бормоча страшные ругательства XVI века и не переставая размахивать в ночном воздухе заржавленным кинжалом. Наконец он добрался до угла коридора, ведущего в комнату злосчастного Вашингтона. На мгновение он остановился; ветер развевал его длинные седые локоны и свёртывал с неизречённым ужасом в чудовищные фантастические складки саван мертвеца. Потом часы пробили четверть, и он почувствовал, что время наступило. Он самодовольно замурлыкал и повернул за угол; но едва только он это сделал, как с воплем ужаса шарахнулся назад и закрыл побледневшее лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним стоял ужасный призрак, неподвижный, словно изваяние, и чудовищный, как бред сумасшедшего. Голова у него была лысая, глад-

кая; лицо круглое, жирное, белое; и как будто отвратительный смех свёл черты его в вечную улыбку. Из глаз у него струились лучи красного света, рот был широким огненным колодцем, а безобразная одежда, похожая на его собственную, окутывала своими молчаливыми снегами титаническую фигуру. На груди у призрака висела доска с надписью, начертанной страшными буквами старинным шрифтом: верно, повесть о диких злодеяниях, ужасный перечень преступлений; в правой руке он высоко держал палицу из блестящей стали.

Никогда до этого времени не видав привидений, Кентервильский дух, естественно, ужаснулся и, снова бросив беглый взгляд на страшный призрак, побежал назад к себе в комнату, запутавшись несколько раз в складках савана и уронив заржавленный кинжал в сапоги посла, где на следующее утро он был найден дворецким. Добравшись до своей комнаты и очутившись наконец в безопасности, он бросился на узкую походную кровать и спрятал лицо под одеялом. Спустя некоторое время, однако, проснулась в нём старая кен-тервильская отвага, и он решил пойти и заговорить с другим привидением, как только придёт рассвет. И едва заря окрасила холмы серебром, он вернулся туда, где впервые увидал жуткий призрак, чувствуя, что, в конце концов, два привидения лучше одного и что с помощью своего нового друга он будет в силах справиться с близнецами.

Но когда дошёл до этого места, его взорам представилась страшная картина. Что-то, очевидно, приключилось с призраком, так как свет окончательно потух в его пустых глазных впадинах, блестящая палица выпала из рук и весь он прислонился к стене в крайне неудобной и неестественной позе. Дух Кен-тервиля подбежал к нему, поднял его, как вдруг – о, ужас! – голова соскочила и покатилась по полу, туловище окончательно согнулось, и он увидал, что обнимает белую канифасовую занавеску, а у ног его лежат метла, кухонный топор и выдолбленная тыква. Не понимая причины этого странного превращения, он дрожащими руками поднял плакат и при сером свете утра прочёл следующие страшные слова:

ДУХ ОТИС
Единственный настоящий и оригинальный призрак!
Остерегайтесь подделок!!
Все остальные – ненастоящие!

Ему сразу всё стало ясно. Его обманули, перехитрили, оставили с носом! Глаза его засверкали старым кентервильским огнём; он заскрежетал беззубыми дёснами и, подняв высоко над головой сморщенные руки, поклялся, согласно образной фразеологии старинной школы, что, когда Шантеклер дважды протрубит в свой рог, совершатся кровавые преступления и убийство тихими шагами пройдёт по этому дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.